

МИШПОХА
משפחה
MISHPOHA

Трижды в день в течение одиннадцати месяцев после смерти отца сын обязан читать поминальную молитву "Кадша".

Что делать, если получается это далеко не всегда. Многие не только не знают слов молитвы, но и никогда не слышали о ней. В городах и местечках нет синагог, а кое-где не насчитывается уже и десяти взрослых евреев, а чтение "Кадша" требует минимального присутствия именно такого количества взрослых мужчин.

Но обязанность поминать - это долг каждого, не зависящий от знания арамейского языка, на котором написан "Кадша", не зависящий от наличия синагоги.

Человек остается с нами, пока о нем помнят.

Феликс ЛИПСКНИЙ

Минск

ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ

Очень многому в своей жизни я обязан хорошему человеку Арону Герцовичу Фитерсону. Его житейская мудрость, опыт долгой и трудной жизни, его советы были мне опорой в детстве, юности и в зрелые годы.

Арон Фитерсон родился в январе 1897 г. в многодетной еврейской семье грузчика товарной станции гор. Минска. Мать его умерла вскоре после родов, а через 8 лет трагически погиб отец. Маленький Арон жил в чужих семьях, где за кусок хлеба и место для почле-га таскал воду, выносил помой, присматривал за маленькими детьми.

В 12 лет стал учеником сапожника на обувной фабрике. Три года хозяин не платил ему ни гроша, но давал скудную одежду и еду, заставляя после работы на фабрике заниматься

уборкой дома, топить печи, нянчить детей. Когда я слушал рассказы Арона Герцовича об этом периоде жизни, то всегда вспоминал чеховского Ваньку Жукова.

В числе 20 членов профсоюза кожевников в конце 1917 года вступил в Красную Гвардию. Летом 1919 г. во время войны с Польшей, в Минске начал формироваться рабочий полк. Арон Фитерсон добровольно вступил в этот полк и служил во II Минском батальоне, который стоял в Ново-Борисове. Личный состав батальона использовали для борьбы с бандами в прифронтовой зоне. В июле 1920 г. батальон участвовал в стремительном наступлении на Варшаву. Арон Герцович вспоминал: "К Висле мы пробивались почти месяц. Кричали: "Даешь Варшаву!", когда ударили поляки, мы про-

бежали весь путь назад за 5 дней. Часть бойцов попала в окружение и перешла к партизанским действиям до заключения перемирия. Этот опыт партизанской войны и знание местности в Западной части Белоруссии очень пригодилось в годы Великой Отечественной войны.

В 1921 г. А. Фитерсон демобилизовался, вернулся в Минск, женился. Он был одним из организаторов артели "Красный обувник", которая объединила труд кустарей-сапожников. В артели дружно работали евреи, белорусы, поляки, русские. Все они мирно уживались, говорили на своих языках, но чаще всего на идиш. С детства мне запомнился рассказ Арона Герцовича о том, как в артели проходили общие собрания. Работал там сапожник Сашка, большой любитель выступать на собраниях. Так как всю свою жизнь он провел среди евреев, то разговаривать на идиш было для него более естественным, чем по-белорусски. Как только начиналось собрание, Сашка просил слово для выступления. Обычно он начинал на белорусском: "Таварышы! Я хачу штосьці расказаць Вам..." Но его хватало на 2-3 фразы, и он переходил на идиш: "Хавеірим! Их вил энес зогун..."

Работал А. Фитерсон хорошо, был одним из лучших специалистов Минска по обувным машинам. Ему доверяли самый сложный процесс окончательной отделки обуви. Он стал одним из лучших стахановцев. За хорошую работу получил в 1935 году

Роза и Феликс Липские, Арон Фитерсон.
Фото 1961 г.

награду: квартиру по Гербарной улице.

Арон Герцович много работал, был счастливым мужем и отцом. Перед войной старшая дочь Сося окончила II курс медицинского института, а младшая - Майечка готовилась осенью пойти в первый класс.

Приближение войны люди чувствовали по разным признакам, увеличилась рабочая неделя, часто проводили учения по линии Осовиахима, беженцы из оккупированной фашистами Польши шепотом рассказывали о зверствах нацистов. Несмотря на заявления ТАСС о том, что войны не будет, начальство начало потихоньку вывозить свои семьи из Минска, под предлогом выезда "на дачу". Эти "дачники" грузили свои вещи на грузовики и отправлялись на отдых в сторону Борисова и Орши. Почти все они после войны благополучно вернулись в Минск.

Война для Минска началась с массовых налетов немецкой авиации. 24 июня бомба попала в дом А. Фитерсона. К счастью, никто не пострадал, т.к. жена с Майечкой спряталась в "щели", Сося была на практике в Первой Советской больнице. 26 июня семья Фитерсона вышла из горящего Минска. Вместе с тысячами минчан двинулись вдоль Московского шоссе. Дорога подвергалась постоянным налетам авиации. Возле Смоленска они узнали, что дорога перерезана немецким десантом и что бои идут уже в районе Борисова.

Семья вернулась в Минск. Не было ни вещей, ни продуктов. Поселились в домике старшего брата Арона, который успел эвакуироваться. Соседи поддержали продуктами, дали одежду.

По всему городу расклеили приказ немецкого полевого коменданта, который обязал всех мужчин от 16 до 60 лет явиться на Госпитальную улицу для регистрации. Никакой регистрации не проводили, а всех явившихся мужчин партиями отправляли в район дер. Дроз-

ды. На большом дугу вдоль реки Свислочь собрали около 100000 мужчин. Им не давали пищу, только изредка воду. Попытки напиться воды из протекающей рядом реки карались смертью. Под жгучим польским солнцем они вынуждены были сидеть днем и ночью. Немецкие жандармы проводили сортировку. Военнослужащих проводили в лагерь для военнопленных, отделили евреев, уголовников, мирных жителей и людей без документов. Каждая группа сидела отдельно. Часто приходили женщины из Минска, искали своих родных, приносили иногда продукты и пытались, за взятку, выкупить сыновей и мужей. Евреи испытывали унижения и побои от охраны и от уголовников, которые ночью избивали их, забирали хорошую одежду и обувь, часы и еду. Фашисты отобрали почти 1000 представителей еврейской интеллигенции и расстреляли в недалекой траншее. Арон Герцович попросил жену передать платье, переоделся и, воспользовавшись минутной невнимательностью часового, смешался с толпой женщин вокруг лагеря.

19 июля 1941 года появился приказ о создании "жыдоўскага жылога раёну ў г. Менску" - гетто. Вместе с семьей Арон Герцович переселился в гетто, где в одной комнате ютилось до 15 человек. На маленьком клочке земли длиной в 900 м и шириной до 800 м были собраны десятки тысяч евреев из Минска, пригородных местечек и евреев "западников", т.е. евреев из Западной Белоруссии и Польши. Скученность, отсутствие продуктов, нехватка воды и топлива, постоянная угроза погрома приводили к быстрому истощению, болезням и смерти.

В августе 1941 года фашисты провели 3 облавы в гетто. Их интересовали мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Во время этих акций было схвачено около 5000 мужчин. Почти все они были расстреляны. В

гетто остались женщины, дети, подростки и старики.

События первых дней оккупации показали, что "гетто - это смерть", что все евреи должны погибнуть. Уже в августе 1941 года в гетто возникают первые подпольные группы.

Арон Фитерсон встретил в гетто друга детства старого коммуниста Евлея Рольбина, который посоветовал ему устроиться на обувную фабрику. Это дало бы какой-то скудный паек и возможность общаться во время работы с местным населением. Евель же посоветовал Арону найти на "русском" районе знакомых, которые смогли бы достать оружие.

Близилась осень, и фашисты старались до наступления холодов "сократить" число узников гетто. 7 ноября 1941 года немецкие жандармы, литовские и белорусские полицейские окружили часть гетто, вывели евреев из домов и укрытий, построили их в колонны и погнали в сторону деревни Тучинка. Там их группами подводили к заранее выкопанным ямам и расстреливали. В этот день погибло около 12000 евреев. На "освобождающуюся" площадь были поселены евреи из Германии, Австрии, Чехословакии и других стран Европы. Их отделили от "русских" евреев колючей проволокой, то есть создали гетто в гетто. "Зондергетто". В гетто этих евреев называли "гамбургскими", потому что первый эшелон доставил евреев из Гамбурга.

20 ноября 1941 года начался очередной погром. В колонну обреченных на гибель попал и Арон Герцович. Когда колонну вели по ул. Опанского, Арон и еще несколько человек попытались бежать. Он спрятался под крыльцом одного из домов, но вышел хозяин и позвал полицейских: "Паночак! Ідзі сюды. Тут жыдок хаваецца". Полицейские от колонны отделяли группы по 15-20 человек, подводили к краю ямы и стреляли. Арон свалился в яму за мгновение до залпа. На него падали убитые и раненые, чужая кровь

заливала лицо, грудь, сдавливали тела погибших. С трудом он вылез из-под трунов и, воспользовавшись темнотой, выбрался из ямы.

Весь окровавленный, трясущийся от пережитого, он стал перед дилеммой: бежать подальше от Минска или вернуться в гетто, где была семья, друзья, знакомые. Он выбрал возвращение в гетто. Сейчас мы можем говорить об этом по-разному, удивляться этим "минусом", которые добровольно возвращались в гетто. Но вспомним, что их ждало за пределами гетто. Холодный и голодный лес, население, которому под угрозой смерти запрещалось оказывать любую помощь евреям, полицейские посты и засады. Партизанские отряды только появлялись и были очень малочисленными. Гетто казалось им более безопасным, чем окружающий мир.

Под покровом ночи Арон Герцович пробрался через проволоку в гетто, где уже оплакивали его смерть родственники. Пережитое укрепило в мысли, что нужно бороться, вооружаться. Белорус Евгений Станкевич, друг и однополчанин с времен гражданской войны, передал ему корзину с картофелем, под которым лежал наган и 12 патронов. Е. Рольбин, который был руководителем подпольной группы "десятки", передавал через Арона Герцовича Станкевичу деньги и часы, за которые тот покупал наганы и штолеты и передавал их в гетто.

В погребке разрушенного дома по Зеленому переулку Фигтерсон нашел укрытые брезентом 6 винтовок и несколько сот патронов. Ночью Арон, Евель Рольбин и его сын Миша перетаскали это оружие в сарай к Рольбину.

По заданию Рольбина Арон Фигтерсон устроился на работу сторожем в службу охраны порядка при юденрате. Это давало ему свободу передвижения по гетто. Сначала он был сторожем при швейных и сапожных мастерских. Из этих

мастерских в конспиративные квартиры он "переносил" фуфайки, сапоги, брюки и другие теплые вещи. Этой одеждой снабжали тех, кто готовился уйти в партизаны. За одеждой приходили также и связные из первых немногочисленных партизанских отрядов.

2 марта 1942 года старшая дочь Арона попала в облаву и с тысячами других евреев была вывезена в район станции Койданово и расстреляна. Гибель дочери еще больше усилила его ненависть к фашистам и желание бороться с ними. Из ремонтных мастерских юденрата он выкрал две шницующих машинки. Одна из них была установлена в подвале дома Рольбиных, а другую передал представителю городского подполья Василию Ивановичу Сайчку. Арон тогда не знал фамилии этого человека, только царль и условленное место встречи. После войны они встретились, вновь познакомились и стали большими друзьями. Я хорошо запомнил Василия Ивановича: высокий, чуть сутулый, худой человек, седые пышные усы с острыми углами. Когда он появлялся у нас дома, начинались долгие воспоминания. По указанию подпольной организации, Арон перешел на другое место работы, стал охранником у ворот гетто по ул. Опанского. В его обязанности входило открывать ворота колоннам рабочих. Он помогал незаметно пронести в гетто оружие, листовки, продукты. Гестаповцы часто устраивали обыски возвращавшихся в гетто рабочих. Его мужество и хитрость спасли жизнь многим подпольщикам.

В июне 1942 года в результате предательства немцы схватили Е. Рольбина, а его сын погиб при попытке к бегству на глазах отца. Е. Рольбина доставили в Минскую тюрьму. В тюремной книге сохранилась запись: "Доставлен Иван Рольбин с полицейского участка за связь с партизанами. Для тюремного писаря легче было написать Иван, чем Евель. Поли-

цейский участок "обедуживает" гетто и прилегающую территорию. После многодневных пыток Е. Рольбина повесили на Комаровке.

Во время 4-х сутокного погрома в июле 1942 года фашисты вывезли и расстреляли в Тростенце жену Арона Герцовича и младшую дочь Майечку. В те дни фашисты уничтожили около 20000 евреев, в том числе 3500 евреев из стран Западной Европы.

С августа 1942 года Арон Герцович стал членом подпольной "десятки", которой руководила моя мама, Липская Роза Афроимовна. Их еще раньше познакомили М. Гебелев и Е. Рольбин. В гетто оставалось все меньше и меньше людей. Уменьшались шансы на спасение, но также росло сопротивление врагу.

В Минском гетто действовала одна из самых больших подпольных организаций Минска в период с августа 1941 года по сентябрь 1942 года. Только в официальных данных отмечено 30 подпольных групп, а сколько подпольщиков погибло в погромах, по пути в партизанские отряды и в партизанских сражениях. Их имена, к сожалению, нам уже никогда не узнать.

В гетто печатали листовки, записывали и распространяли сводки Совинформбюро, собирали и передавали в партизанские отряды медикаменты и перевязочный материал, воровали шрифт из немецких типографий. Руководителем первой подпольной типографии Минска был Михаил Чипчин, а первый номер подпольной газеты "Звезда" под носом у немцев в мае 1942 года набрали узники гетто Борис Путико и Броня Гофман. Медицинскую службу во многих партизанских отрядах и бригадах возглавляли врачи из гетто.

Но самым трудным было добывание оружия. Через биржу труда в немецкие ремонтные оружейные мастерские, находившиеся в бывших гаражах Совнаркома по ул. Свердлова,

были направлены 2 отважные подпольщицы из маминской "десятки" - Цилия Ботвинник и Катя Цирлина.

С риском для жизни они вооружены затворами, подающие механизмы, ружейные стволы и даже чешский карабин, с которым Цилия Ботвинник ушла в партизанский отряд и провела до освобождения Белоруссии.

Это оружие они носили под одеждой, в голенищах больших сапог, в вязанках дров, в котелках с двойным дном. Опасность подстерегала на каждом шагу, особенно при возвращении рабочих колонн в гетто, т.к. гестаповцы и полицейские проводили обыск. У ворот подпольщиц встречал Арон Герцович, забирал оружие и часто приносил к нам домой. Иногда, до прихода мамы, мне приходилось лежать на спрятанном под матрасом или подушкой оружии.

Арон Герцович готовил группы для отправки в партизанские отряды с проводниками. Чаще всего проводниками были подростки. Особую отвагу проявила Симочка Фитерсон, 13-летняя племянница Арона Герцовича, которая вывела из гетто сотни евреев. За ней охотились гестаповцы. Взяли заложниками и расстреляли ее мать и братишек.

Летом 1943 года Гирш Смоляр, бывший руководитель подполья в Минском гетто, прислал проводницу для вывода в партизанский отряд подпольной группы мамы. Темной ночью в июле 1943 года группа в 25 человек с оружием (12 винтовок, 8 наганов, 55 затворов и подающих механизмов) через проволочный забор по улице Флакса выбралась из гетто. Осторожно пробрались к окраине города, через посевы жита, железнодорожные пути пошли к деревне Старое Село.

Дорога была опасной. Боялись напороться на немецкую или польскую заставу, боялись встречи с партизанами, которые могли открыть огонь.

Наконец встретили партизан отряда им. Кутузова.

Наша радость от встречи оказалась преждевременной. По приказу командира этого отряда В. Голнцева мужчины и женщины из нашей группы раздели и обыскали. Забрали большую часть оружия и запасные части к нему, пишущую машинку, медикаменты. Даже меня, 5-летнего мальчугана, обыскали. Они искали золото и драгоценности. У мамы забрали золотые часики, а у Арона Герцовича кожаную куртку и кавалерийские бриджи, обшитые на коленях кожей. Эти бриджи надел командир отряда. Взамен Фитерсону дали старые штаны. В отряде оставили только Цилию Ботвинник с ее знаменитым чешским карабином, который она категорически отказалась отдать.

Остальных отправили в Налибокскую пушу, где мы после долгих мытарств попали в еврейский партизанский отряд. Командир, узнав о наших мытарствах, подал рапорт командиру Барановичского партизанского соединения В. Чернышеву. В. Чернышев приказал Голцеву вернуть все оружие отряду Зорина.

В партизанском отряде Арон Герцович служил в боевой роте. В его характеристике написано: "За время пребывания в отряде тов. Фитерсон показал себя дисциплинированным, смелым и находчивым бойцом, являлся участником подрывной группы, был активным участником всех боевых операций партизанского отряда".

После освобождения Минска нас на открытых армейских грузовиках привезли в город.

Большая часть Минска лежала в развалинах. Все наше имущество помещалось в небольшом самодельном рюкзаке. Маму направили работать в столовую, а Арон Герцович стал работать контрольным мастером на обувной фабрике им. Тельмана.

Было трудное время. Продукты получали по карточкам.

Знакомые дали какую-то одежду. Взрослые работали на восстановлении Минска.

В моем архиве хранятся книжки "Участник восстановления г. Минска". В этих книжках отмечалась дата, место и количество отработанных часов по разбору разрушенных домов. Судя по записям, Арон Герцович после работы на фабрике несколько раз в неделю по 3-4 часа занимался благоустройством города.

Май 45 года. Мы дождались долгожданной Победы!

В нашей темной квартире, где окна были вровень с землей, собрались бывшие узники гетто, подпольщики и партизаны. Помянули погибших в гетто и на фронтах, поплакали, пожелали друг другу счастья, радости, здоровья и мира. Пели еврейские народные и партизанские песни, воодушевленно звучали слова: "Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!.." Все были полны надежд на счастливую послевоенную жизнь.

Мы, дети, целыми днями бродили по городу, "заглядами" прощмыгивали в кино, рылись среди развалин и трофейных сваток, искали патроны, части оружия и самозабвенно играли в войну. Дома мы появлялись редко.

... До сих пор у меня стоит перед глазами такая сцена. Ярким солнечным днем летом 1945 года, гонимый голодом, я спешил домой. Спускаюсь по лестнице в наш прохладный и сырой подвал. Дверь нашей квартиры открыта. У входа стоит солдат с карабином, на фуражке околышек голубого цвета. В комнате много людей в военной форме и в штатском. Все наше нехитрое имущество разбросано, кровати отодвинуты от стенок. У стола сидит бледная мама и держит за руку Арона Герцовича. Кто-то шепчет у стола, молча стоят соседи. Раздается команда: "Процайтесь! Пошли!" Я целую Арона Герцовича, начинаю плакать сам и пытаюсь успокоить плачущую маму.

Потом наступили страшные дни. Мама часто исчезала по вечерам из дома. Я ее ждал и

засыпал, не дождавшись. Только позже я узнал, что ее вызывали на допросы. Вечерами приходили друзья по подполью, негромко говорили о допросах, писали какие-то письма. Шепотом говорили о каком-то суде над фашистами, о том, что Арона также хотят судить вместе с ними. Я притворялся спящим, но жадно выслушивал в себя эти разговоры.

Как-то раз мама взяла меня за руку и повела на фабрику-кухню, которая была расположена возле тюрьмы. Мы стояли на балконе фабрики и смотрели за тюремную стену. Вдруг в одном из зарешеченных окон тюрьмы мелькнула машущая рука. Мама сказала мне: "Феленька, помани ручкой. Там дядя Арон".

В это время в Минске проходил суд над немецкими преступниками и их пособниками. Следователи пытались всеми средствами привлечь к этому процессу и А. Фитерсона, пытаясь доказать, что сами евреи участвовали в уничтожении еврейского населения в годы войны. За отказ подписать признание о сотрудничестве с оккупантами его часто били во время допросов, много дней он провел в карцере.

С 11 июля 1945 года по 23 мая 1946 года Арон Герцович находился под следствием в Минской, а затем в Гомельской тюрьмах. Все, кто помнит те недобрые времена, помнят, что только немногим удавалось оправдаться при обвинении "за пособничество немецким оккупантам в период нахождения в гетто".

Заявление на Фитерсона написали несколько евреев (не хочу называть их фамилии), которые боялись, что Арон Герцович может рассказать об их "деятельности" в гетто, о вымогательствах золота и драгоценностей за вывод в партизанский отряд. В хранилище у меня справка по делу Фитерсона А.Г. сказано, что "допрошенные в 1947-1946 гг. свидетели Ботвинчик И.Я., Тамарина Д., Голанд С.Г., Липская Р.А., Марис А.С. и многие другие

показали, что Фитерсон, кроме вывода многих евреев из гетто и отправки их в партизанские отряды, помогал собирать и передавать в отряды оружие, одежду, медикаменты, различные ценности".

Из тюрьмы Арон Герцович пришел страшно истощенным. Щеки были глубоко запавшие, лицо бледное. Он редко рассказывал о тюрьме, говорил всегда очень тихо и только в кругу очень близких друзей.

Из его тюремных рассказов мне особенно запомнился один. Камеры в тюрьме по ул. Володарского в Минске были переполнены. Тут сидели политические заключенные, бывшие полицы, воры и бандиты, спекулянты, военнопленные, совершившие уголовные преступления. Как-то вечером один из бывших полицейских рассказал, что в марте 1942 года из Минского гетто на станцию Койданово привезли большое количество евреев для расстрела. Он рассказал, что евреев группами подводили к траншеям, заставляли раздеваться и расстреливали. Расправа продолжалась до поздней ночи. Каратели уехали. У ям осталась небольшая группа полицейских для того, чтобы засыпать трупы землей. Неожиданно из-под трупов выбралась красивая девушка лет 20, в окровавленной одежде. Она увидела полицейских и начала жалобно просить: "Дяденьки, отпустите меня. Я ни в чем не виновата. Я благодарю Вас. У меня есть золотые швейцарские часы". Полицейки забрали часы, застрелили девушку и труп столкнули в ту же яму, из которой она выбралась. У Арона Герцовича закружилась голова от горя и гнева. Все совпало: Сою забрала в колонну смерти 2 марта, она имела при себе маленькие золотые швейцарские часы, она была красавицей. Не помня себя от ярости, он набросился на этого полицейского, схватил его за шею и начал бить головой о стену. Только с большим трудом сокамерники растянули их в разные стороны. Арона Герцовича на 10 суток отправили

в карцер за драку, а полицейского перевели в другую камеру.

После освобождения из тюрьмы Арон Герцович вновь приступил к работе на фабрике им. Тельмана. Пережитое в гетто, длительное переохлаждение зимой 1943 года во время выполнения боевого задания и тюрьма подорвали здоровье Фитерсона. Почти год лечился в различных больницах, на курорте. Был признан инвалидом Отечественной войны I группы. Сильная воля, терпение и помощь врачей помогли хоть частично преодолеть болезнь и вновь вернуться в труд. Арон Герцович был верным другом и добрым человеком. Он не оставил в беде дочь своего погибшего друга Е. Рольбина, 13-летнюю Лену. Он и моя мама привлекли ее к подпольной работе и взяли ее в партизанский отряд, хотя проводник не хотела брать девочку. Лена Рольбина всю жизнь дружила с нашей семьей, а для меня была старшей сестрой. Арон Герцович вывел из гетто своего племянника-сироту Гришу Фитерсона. Гриша жил с нами в одной квартире. Арон Герцович утвердил меня в желании стать врачом. Возможно, в этом он видел какую-то связь между мной и погибшей дочерью Соной-студенткой медицинского института.

Свою старшую дочь я назвал Майей в память погибшей младшей дочери Арона Герцовича. Очень жаль, что он не дождался этих дней и не узнал, что Майя тоже стала врачом. Во всем этом есть нечто мистическое и, хотя я агност, мне кажется, что все это символ того, что никто в мире не умирает и ничто не исчезает бесследно. Невоплощенные мечты и надежды погибших вновь появляются и воплощаются жизнью в последующих поколениях.

Арон Герцович долго болел. Несколько операций, мучительные процедуры, он перенес стойко и мужественно. Умер он 29 ноября 1982 года.